

АБДУРАИМ АЛТАНЛЫ

СКАЛА КОКТАШ

Много зеленью яркой покрытых вершин
Громоздится вокруг, но Кокташ высока,
Выше всех. И стоит та скала-исполин,
Задевая вершиной своей облака.
Если ветер подует—деревья шумят,
Будто песни поют вдохновенно они,
И ночами высокой скале говорят
Обо всем, что случилось в минувшие дни.
Но не мало скала и сама узнает:
Далеко, далеко устремлен ее взгляд;
Если ветер подует—скала запоет...
Память к песням меня возвращает назад.
„Насмотрелась я ужасов,—пела скала,—
Были баи и мурзы грозою для сел:
Я видала сама, как за кожу седла
Джемаатскую землю мурзак приобрел.
В эту землю убивший тирана джигит
Был закопан живьем,—так позволил мулла.
Мне известно, как матери сердце скорбит;
От тоски и от горя она умерла.
Я видала, как в Турцию плыл мой народ;
Он обманут был лживыми сказками мулл.
Возвращаясь, не знал он, что гибель найдет,
Что родимого крова не видеть ему“.

Если ветер прохладный, покинув Азов,
Мчался, тучей иль облаком землю прикрыв,
Говорила Кокташ; и печаль ее слов
Выливалась в протяжный тоскливый мотив.
Но все глуше мотивы безрадостных дней,
В новой песне Кокташ нескрываемый пыл—
Я слова этой песни подслушал у ней
И поведаю вам их, пока не забыл.
„Вырван корень беды—уничтожен мурзак,
Без работы мулла и не спится ему;
Светлый день отражен у народа в глазах,
Черен день для одних муэдзинов и мулл.
Больше некому будет убийц поощрять,
Тех, которыми в землю джигит был зарыт.
И муллой никому не захочется стать—
Ни один не найдетсЯ безумный джигит.
Скоро-скоро работы себе не найдет
Даже в тысячах сел безработный мулла,
И закроет пустые мечети народ,—
Он проснулся для жизни“,—так пела скала.

1927 г.

НЕНАВИСТЬ

Я видел бандитов, жестоких убийц, —
Наш суд был суровым и быстрым,
И все же черты их разбойничьих лиц
Мне не были столь ненавистны.
И если сравню я их с вами, они
Вас лучше, вас лучше, хоть—вам и сродни.

Я видел двурушников, подлых ханжей,
Мы их не щадили нисколько.
Был каждый из них изворотлив, как змей,
Грозивший отравленным жалом.
Но вы превзошли их, ведь ваши дела
Измена тропой преступлений вела.

Я бешеных видел собак и не раз
Стрелял в них и метко и скоро.
Но эти собаки невиннее вас,
Всей вашей взбесившейся своры.
Животному ль впору коварная месть,
И дело гнуснее ему ль изобрести?!

Да, вашей трусливой рукою убит
Наш пламенный, славный Мироныч,
Порывист, как буря и тверд, как гранит,
Он вел нас вперед неуклонно.
Прямую дорогою к цели идя,
Он пал, незабвенный соратник вождя.

Вы пропасть паденья узнали до дна,
Растленные души запродав.
Вы Сталина жизнь хотели отнять—
Великое сердце народа.
Вы Ленина пламя мечтали задуть,
К развалинам родину нашу вернуть.

Но Сталина мы сберегли, и в века
Любовь наша хлынет потоком.
Она нарастает, как в бурю река,
Бегущая руслом широким.
И эта любовь над вожатым родным
Пребудет бессменным его часовым.

Я отхожу и на него
 любуюсь без конца,
Как будто предо мной черты
 любимого лица.
А он, как тополь молодой,
 стремится в высоту,
И я, счастливый, вместе с ним,
 от радости расту.
Стою не в силах оторвать
 своих влюбленных глаз
И вспоминаю, как рассвет
 встречал на стройке нас.
Суровый каменщик,
 маяр, веселый штукатур
Шли на работу, как бойцы,
 идушие на штурм.
И вот—настал последний час,
 наполненный трудом,
Освобожденный от лесов
 стоит пред нами дом.
Входите ж, люди, веселей
 в уют его квартир,
В честь новоселья зададим
 сегодня славный пир,
Пусть огласится все вокруг
 счастливой детворой,
И песня хлынет к облакам,
 окрашенным зарей.

1940 г.

РЕШИТ МУРАТ

ПОЙ, ТОВАРИЩ!

Я вспомнил сегодня ушедшую быль.
В кварталах предместья,
где копоть и пыль,
Где юность, как ветер, промчалась моя,
Родились и жили когда-то друзья.
И песню, я помню, сложили они:
Мы вместе добудем прекрасные дни,
Для жизни мы смерть уничтожим с тобой.
Пой же, товарищ! Пой!
И грянула буря войны над страной,
Два друга покинули город родной.
Я помню, как песня звенела вдали.
Друзья в „Каракуш“ к партизанам ушли.
Гудела в степи огневая пурга.
Клинками два друга рубили врага.
И песня гремела в атаке любой.
Пой же, товарищ! Пой!
Однажды столкнулся с врагами отряд.
Взорвался над нами тяжелый снаряд.
Товарищ, что песни любил запевать,
На „Каракуше“ остался лежать.
Друг! Песня твоя никогда не умрет,
Ту песню вся родина наша поет.
Поет партизан и боец молодой,
Пой же, товарищ! Пой!

КЛЯНУСЬ

Ты все дала мне, мать моя—отчизна,—
И нежность материнскую свою,
И песен жар,
И счастье светлой жизни.
Я о прекрасной родине пою!
Нам в грудь вдохнул
И радость и цветенье
Великий Сталин,—
Друг наш и отец.
И миллионы взоров и сердец
Наполнены отвагой и гореньем.
Я ухажу хранить твои границы,
Клянусь, как сын,
Тебя уберегу.
Огонь смертей таят в себе бойницы,
Готовые ударить по врагу.
Я ухажу, чтоб твердо стать в дозоре
И не смыкать всевидящих очей,
Чтоб никогда не меркнуть ясным зорям
Над драгоценной родиной моей.

ВИНОГРАД

Под солнцем августа, свисая до земли,
Налился медом виноград янтарный.
И с песней звонкой по садам пошли
Меж лоз тяжелых девушки и парни.

Я славлю труд колхозников. Я горд
Творцами этих солнечных кристаллин.
Мне б, кисть художника, я б создал натюр-морт,
Где б грозди вам сердца напоминали.
Страна моя! Прими Гурзуфа дар—
Литые кисти виноградных ягод.
В них пламенеет солнца южный жар
И вин прохладных пенистая влага.
В каком краю вам лозы принесут
Такое изобилие винограда?!

А сердце слишком маленький сосуд,
Чтоб в нем могла вместиться наша радость.

АМДИ АЛИМ

ПИСЬМО

Стою на посту. Постовые
За местностью зорко следят.
А мысли, как вдаль вестовые
С приказом из штаба летят.
Труба заиграет, и сразу
Граница откроет огонь.
Меня понесет по приказу
Горячий, испытанный конь.
И дам я оружию волю,
Ни днем, ни в грозовую ночь
Пройти я врагу не позволю
В страну, где живет моя дочь.
А встретится пуля литая,
И навек умрут голоса,
Получишь письмо ты, родная,
Что я перед боем писал.
За жизнь, за спокойствие ваше
В просторах далеких лугов
Я умер, но видел, как наши
Громили заклётых врагов.
А может вернусь я из боя,
Приду невредимым домой.
Мы встретимся снова с тобою,
Мой нежный цветок полевой.

У МАВЗОЛЕЯ

По Красной площади задумчиво брожу.
Над шумным городом—бездонный небосклон.
Со скорбью в сердце грустно я гляжу
На мавзолей, где Ленин погребен.

Сюда все улицы московские ведут.
Здесь бесконечное течение людей.
Я в их потоке медленно иду.
Передо мной—гранитный мавзолей.

Мне глаз не отвести от мрамора его.
Затихла вдруг любимая Москва.
И кажется, Ильич попрежнему живой.
И слышу я великие слова.

И я пишу о том, как мой народ
Идет взглянуть на красный мавзолей.
Неся твой факел радостно вперед,
Мы все идем дорогою твоей.

Народы родины в работе и в бою
Стремятся быть такими же, как ты.
Ты не узнал бы родину свою.
Воплощены в ней все твои мечты.

По ленинским путям без Ленина идем.
Во всем я чувствую и силу и размах.
Мы знамя Ленина со Сталиным несем
В своих уверенных и крепнущих руках.

По Красной площади задумчиво брожу.
Над шумным городом—бездонный небосклон.
Воспрянув, я взволнованно гляжу
На мавзолей, где Ленин погребен.

ИБРАИМ БАХШИШ

АЛУПКА

Волны мчатся, как всадники,
Скалы просятся ввысь,
А домишки—рядами
По холмам разбрелись.
Край, увитый цветами,
Вешний, розовый сад;
Здесь—цветут виноградники,
Там—платаны шумят.

Древним тайнам причастная,
Закипает шумна,
Окликает прохожих,
Запевает волна:

„Помню годы ненастные,—
В сердце боль затая,
Песни дней непогожих
Пела некогда я.

„Словно туча свинцовая,
Шли года надо мной,
И владели агаи¹
Несравненной страной.

¹ Агаи—богатеи, кулаки.

И дворец Воронцова я
На крутом берегу
Увидала,

роняя
Жемчуга—на бегу.

„Лев, из камня изваянный,
Возлежал у крыльца,
Скалы тешили взоры
За оградой дворца.
Для большого хозяина
Нужно много земли:
Скарб свой нищенский в горы
Бедняки унесли“.

Ходит облачко хрупкое
В золотой вышине,
И могучий Ай-Петри
Отвечает волне:

„Я стою над Алукою,
Мне отсюда видней,
Долети же при ветре
До вершины моей!

„Ты услышишь ликующий,
Дальний говор земной,
Точно розы июня,
Дни цветут над страной.
Я тебе покажу еще
Сквозь вечерний туман—
В серебре полнолуны
Засиявший фонтан.

„Погляди же:

Розарии

Рвутся в каждую дверь;
Ты надменного бая
Не увидишь теперь.
Песни отжили старые,—
Так скажи, для чего ж
Ты, волна голубая,
О минувшем поешь?

„К благовонной акации,
Чуть весна расцвела,
Из колхозного улья
Вылетает пчела.
Над табачной плантацией,
Над садами —

Гляди!

Пролетая, блеснули
Золотые дожди.

„А когда к санаториям
Льнет вечерняя тьма,
Листья шепчутся в парке
И звенит хайтарма,
Молодые татарки
Созывают подруг,
Входят юноши, вторя им,
В их смеющийся круг.

„Слышу поступь тяжелую,
То гремят поезда:
Горожане,

сельчане

Едут в гости сюда.

Дай же мне обещанье,
Что—вольна и шумна—
Грянешь
 песню веселую
Голубая волна!“

А Й Ш Е

Цветы излучали вокруг аромат,
Гремел соловьями разбуженный сад,
И в час, когда солнце катилось в закат,
Тебя я увидел, Айше.
Привыкшая к зною, ветрам и труду,
Ты с песней плоды собирала в саду,
С восторгом взглянув на твою красоту,
Тебя полюбил я, Айше.
Твой лоб украшали колечки кудрей,
Под ними раскинулись дуги бровей,
А щеки—весенней зари розовой,
Улыбчивая Айше.
В садах ли, в безбрежном раздолии нив
Звенит твоих солнечных песен разлив,
Твой юный, горячий в работе порыв
Меня вдохновляет, Айше.
Так будь же хорошей подругою мне,
Чтоб вместе на жизненном полотне
Ткать счастья узоры любимой стране,
Моя дорогая Айше.

ЭНАН АЛИМОВ

ГОРЛИЦА МАШЕТ КРЫЛОМ

РАССКАЗ

Меня разбудил гром, сильный раскатистый июньский гром. До этого сквозь мутную дрему я слышал какой-то мерный, баюкающий шум: шел дождь, тяжелые капли монотонно стучались в окно и крышу.

Я нехотя открыл глаза и посмотрел на окно. Перед тусклыми, вспотевшими стеклами проносились вихри водяной пыли, кружились и падали. Через город на запад шла гроза: огненные змеи молний стремительно чертили небо, словно кто-то большой, разгневанный стегал облака оранжевой плеткой, и умирали. Через несколько секунд после этого по крыше дома тот же разгневанный гигант катал из стороны в сторону огромный жестяной барабан, наполненный адским громоханием.

Однообразный, нудный шум дождя и постоянно повторяющиеся раскаты грома давили на веки, голова клонилась к подушке. Последнее, что я увидел, вновь погружаясь в дремоту, были сумеречные тени, наполнившие комнату, и огненный хлыст, взметнувшийся в далеком небе. Это был полусон, сладкий и болезненный. При каждом ударе грома я, тревожно вздрагивая, силился открыть слипающиеся веки, но слабость серой птицей накидывала на мою голову

теплое крыло и я, бессильный сопротивляться, больной и побежденный, послушно плыл к каким-то плоским, темным берегам.

Ах, эта серая птица! Сколько дней уже она стерегла мой сон, выжидала и надеялась! Стоило мне только уснуть или нарочно смежить веки, она неслышно влетала в комнату, плавно садилась у моего изголовья, и, расправив крылья, замирала, как каменная. Чего она ждала?

Последние дни я жил в полусне, не живой и не мертвый, слабый и задавленный огромным теплым крылом. Целый месяц до этого тело мое боролось со смертью, я кусал себе губы, что-то говорил, о чем-то просил, вскакивал с постели и падал на пол, и все это происходило помимо моего сознания. Теперь я выздоравливал, силы медленно возвращались ко мне, но меня одолевал сон: я спал целыми сутками.

Вот и сейчас: за окнами мерно шумит дождь, где-то близко гремит трамвай, мне бы встать, подойти к окну, посмотреть на дождь, на трамвай, на мир, который я не видел целый месяц, но я не могу: веки наливаются свинцом, все тело ноет, кто-то заботливо машет над головой разноцветным, словно радуга опахалом. Я не вижу опахала, но почему-то знаю, что это машут им и что оно сделано из разноцветных перьев, пахнущих чем-то острым, свежим, весенним...

Вдруг опять гремит гром. На этот раз я слышу отчетливей, чем прежде. Я открываю глаза.

Первое, что я вижу, это огромное дерево, дикая груша, ветвистая и высокая. Дождь идет густой и обильный, впереди, шагах в десяти, он образует

почти сплошную стену. Огромная груша, спрятав вершину в этой голубой завесе, тихо качает своими ветвями. По моей спине катится холодная, щекощущая струйка. Я ежусь и стараюсь натянуть на голову одеяло. Но, что это? У меня нет одеяла, вместо него я кутаюсь в рваный пиджачишко, из прорех которого на локтях и на груди выглядывает серая клочковатая вата.

Я робко оглядываюсь кругом, не веря тому, что я вижу. Я сижу под густым ореховым деревом, зябко прижавшись к щербатому стволу и к чему-то теплomu, мягкому.

— Я совсем мокрая,—говорит это тепло.

Я удивленно смотрю на него. Рядом со мной сидит понурая девочка лет десяти-двенадцати, худая, черноглазая. На ее маленьких косичках, на щеках, на остреньком подбородке висят прозрачные капельки дождя, чистые, продолговатые капельки, похожие на слезы. Девочка мелко трясется, капельки одна за другой срываются с подбородка и, ударившись о черное платье, пропадают. Девочка никак не может унять дрожь, она с силой прижала бледные ручки к груди.

— Прижмись сильнее,—тихо говорю ей.

Она жмет ко мне, кладет головку на мое плечо и я у самого лица слышу ее ровное, слабое дыхание.

Дождь все идет и идет, где-то сзади глухо шумят деревья, откуда-то справа доносится жалобное бление козы. Все кругом призрачно и неопределенно, обычные, давно знакомые вещи—деревья, тропинки, небольшой запущенный прудик с зеленой водой,—затянутые голубоватой кисеей дождя кажутся другими, принесенными сюда из далеких, неизвестных

стран. У самого прудика растет коренастая, кудлатая ива, поникшая в немой печали, скованная каким-то большим, невысказанным горем.

Вдруг я узнаю и эту плакучую иву, и этот зеленый прудик, и всю эту местность. „Это же Шареке!“ обрадованно вскрикиваю я. Ну, конечно, Шареке. В том маленьком прудике когда-то, когда еще жив был помещик Кара-Мурза, купались его буйволы. Он так и называется Буйволиным озером. Буйволы у мурзы были облезлые, страшные, с красными сердитыми глазами. Сам мурзак тоже был страшный, глаза у него смотрели с ненавистью, как у злого, бодливого буйвола.

— Это же Шареке,—словно не веря своим словам, повторяю я.

— А вдруг кто уведет наших коз,—испуганно говорит моя соседка.

Она пристально смотрит мне в глаза. Ее пунцовые мокрые губки болезненно скривились, я чувствую, что она вот-вот заплачет.

— Брось хныкать,—беспечно говорю я,—никто их не уведет.

А капли падают без конца, холодные и неприятные, они собираются в щекочущие струйки и медленно стекают по телу. Я поднимаю глаза. На темных листьях орешника висят спелые гроздья слезинок, много-много гроздьев.

— Теперь воруют и днем. Вчера увели корову Музаффара, могут и коз увести,—скулит девочка.

Я только теперь узнаю ее.

— Это же, ты, Гюлизар?—удивляюсь я.

Она молчит, только головка ее еще сильнее жмет-ся к моему мокрому плечу.

Высокая груша перед глазами устало качает ветками, словно ей нестерпимо холодно и она хочет этим движением согреть свое огромное тело. Над грушей неожиданно вспыхивает огонек и стремительно падает вниз. Затем раздается оглушительный грохот, и мне кажется, что при этом задрожала земля. Гюлизар вскрикивает и обхватывает меня руками.

— Это молния, ты не бойся,— кричу я, не меньше ее напуганный.

Она понемногу успокаивается, даже пытается улыбнуться, но губки ее, сведенные холодом, подрагивают и застывают. Ее волосы касаются моего подбородка, они мокрые, липкие. Вместе с запахом дождя, мокрой земли и древесины я слышу какой-то тонкий сладковатый запах—запах женских волос: они пахнут душистым табаком.

— Пойдем, поищем коз,— шепчет Гюлизар, точно боится, что ее услышат.

Я люблю эту девочку, люблю давно, буду любить до самой смерти. Мне хочется погладить ее головку, целые дни смотреть ей в глаза, пронести ее на руках через горы и леса до Яйлы, до самого Капсихора.

— Хочешь, Гюльчик, я полезу на эту грушу?— гордо спрашиваю я.

Она смотрит мне в глаза, я ищу в ее зрачках восхищение. Зрачки у нее большие, маслянистые, подернутые чарующей, чуть рыжеватой поволокой. В них отражается темная зелень леса и моя глупая, самодовольная физиономия.

— Зачем тебе лезть на это дерево?— не отводя глаз, спрашивает она.

— Чтобы посмотреть коз,— отвечаю я.— Потом...

Я хочу показать, что смогу сделать все, что тебе захочется...

В зрачках ее вспыхивают огоньки, рыжеватая поволока искристо переливается.

— А в Старую мечеть ты можешь зайти? Ночью, один?

Старая мечеть... Серое, обросшее мохом, жуткое здание. Ночью там собираются злые духи, разводят костер и поют какие-то песни. Это место обходят и днем, только один полоумный Вели, которому все нипочем, осмеливается заглянуть в узкие оконца храма. Потом с диким воем убегает домой. Вели уверяет, что на полу мечети валяются обглоданные кости, много-много костей...

Мне становится холодно, я дрожу, испуганно оглядываюсь, готовый увидеть за каждым деревом белую тень, закутанную в саван.

— Нет, не могу,—признаюсь я,—куда хочешь пойду, только не в ту мечеть...

Зрачки опять затягиваются обычной поволокой. Гюлизар отводит разочарованные глаза.

— Куда хочешь, только не в ту мечеть,—виновато повторяю я.

— Боишься?—уже не так обиженно спрашивает она.

— Боюсь,—шепчу ей,—и вправду боюсь... Если бы я был большой... Мне же всего тринадцать лет.

Потом мы долго молчим. Дождь уже идет редкий, удары грома доносятся издалека, высокая груша направляет ветви. Кудлатая ива стоит попрежнему понурая, задавленная своим невысказанным горем, свесив ветви и бездумно заглядевшись в зеленые воды прудика. Она похожа на тоскующую девушку с длинными, распушенными волосами.

— Дождь проходит,—равнодушно замечаю я.

— Я кушать хочу,—еле слышно говорит Гюлизар.

— Бедная Гюлизар, бедная, бедная девочка! Ела ли она сегодня что-нибудь? Похлебку из диких корней с постным лопухом?

Я лезу в карман, щупаю что-то клейкое, мягкое, завернутое в мокрую тряпицу. Это лепешка, маленькая, кукурузная лепешка, мой обед... А до обеда еще далеко, часа два еще, но мне и самому уже хочется кушать.

Я разворачиваю тряпицу и делю лепешку пополам. Она вся промокла, липнет к пальцам, желтые, самшитовые крошки сыплются на землю.

Мы кушаем, молча, тесно прижавшись друг к другу, сосредоточенные, серьезные. Удовольствие наше длится недолго. Много ли счастья в небольшой кукурузной лепешке?

— Ну, как, наелась?—спрашиваю девочку.

Она не отвечает, только еще ближе придвигается ко мне. У нее худенькие, остренькие плечики, прилипшее к телу, мокрое платье еще больше выделяет худобу.

— Конечно, нет...—сам отвечаю за нее.

Она поворачивает ко мне личико, бледное, с синеватым отливом, как у капли воды...

— Сегодня я видела у Сеттара целый узелок настоящего пшеничного хлеба. Он, наверное, сидит сейчас под каким-нибудь деревом и кушает. Он всегда, когда ему хочется кушать, уходит за деревья... Я его люблю.

Сеттар тоже пасет коз. Его родители живут неплохо, кушают пшеничный хлеб, имеют десять штук дойных коз. А мы имеем только одну козу. А есть

такие, что совсем не имеют коз... А сколько людей, не имеющих совсем что кушать... Война, разруха, Врангель—все это, как трутень, сожрало наше добро...

Так думаю я словами, часто слышанными от взрослых.

— Вот и дождь прошел, — говорю я, чтобы чем-нибудь отогнать молчание.

— Как хорошо! — Гюлизар радостно оглядывает лес, небо. — Пойдем, поищем коз.

Она вскакивает и выбегает на тропинку. Дождь и в самом деле прошел. Весь зеленый, омытый внешним дождем лес блестит, как детская, вызванная счастливым смехом, слеза. Дождь теперь сыплет где-то далеко за деревней.

— Пойдем, — повторяет Гюлизар.

Она стоит на тропинке, маленькая, мокрая, тихо улыбается и смотрит на меня. Я накидываю на ее плечики свой замусоленный пиджачок и мы двигаемся в лес, на поиски коз.

Весна... Буйная весна тысяча девятьсот двадцать первого года. Точно и природа, как люди, сбросила накануне с себя вековые оковы, дала простор своим бунтующим силам. Кругом, куда ни оглянись, зелень затопила землю, дикие, протеренные годами стежки заросли лесной повиликой, ручьи затерялись в густой чащобе трав.

Мы идем по узкой тропинке — она впереди, я за ней. Мокрая трава скользит по ее платьицу, роняет на тропку дождевые капли и квелые лепестки. Босые, загорелые ножки наступают на эти лепестки, на лужи, на глину, глина звучно хлюпает, а тропинка все змеится, пересекает ручьи, лужайки, ведет нивесть куда в горы.

Вдруг босые ножки перед моими глазами останавливаются, мы замираем. За большим деревом что-то шуршит, двигается. „Козы!“ обрадованно думаем мы, но нет: это идет Сеттар, небольшой, круглолицый паренек. Он нас не замечает, сосредоточенно жует большой кусок хлеба. Лицо его выражает блаженство, глаза сыто блестят, он осторожно переставляет ноги.

— Ты наших коз не видел?—громко кричу ему.

Он испуганно поднимает голову и быстро прячет хлеб в карман.

— Две козы—одна серая, другая рыжая,—поясняет Гюлизар.

— Нужны мне ваши паршивые козы,—осмелев, бросает Сеттар.

— Ну и чорт с тобой,—вызывающе отвечаю я, выступая вперед.

Мы с ним давнишние враги, я и сейчас готов схватиться с ним, тем более, что здесь Гюлизар. В это время где-то за лесом долго-долго гремит гром, словно покатали пустую, ветхую арбу с высокой горы. Гюлизар громко вскрикивает и, стремглав, бежит по тропинке. Я бросаюсь за ней изо всех ног, охваченный непонятной тревогой.

— Никуда наши козы не уйдут, ты не плачь,—кричу ей вслед, но она не слышит, все бежит вперед, стремительная, легкая.

Мы уже в большом, темном лесу, тропинка вьется между голыми стволами древних буков, делает немислимые петли. Гюлизар то и дело мелькает за деревьями, потом надолго исчезает. На ней уже не черное, старое платье, а что-то голубое, блестящее.

— Одна коза серая, другая — рыжая, — кричу ей вдогонку, — как тебе не стыдно, ты же депутатка, а плачешь, как девочка...

У меня уже болят ноги, все тело ноет, я чувствую, что мне никогда не догнать эту быструю девочку. Потом приходит это чувство усталости, желание расправить грудь, вздохнуть хорошенько и лечь тут же под буком и уснуть. Я останавливаюсь, разбитый и, отчаявшись, машу ей рукой. Рука ударяется о дерево, огромный бук несколько секунд пьяно качается, потом со звоном, как-будто он хрустальный, падает и рассыпается. Кто-то нежно кладет на мою горячую голову руку, я, преодолевая страшное желание уснуть, раздвигаю веки и удивленно оглядываюсь.

Сумерки клубятся и тают, в окно глядится серое, затянутое облаками, небо, на легких гардинах летают серые, нашитые кружевницей, горлицы. Кто-то машет над моей головой чем-то разноцветным, пахнущим полевыми цветами. Я боюсь встретиться взглядом с застывшими на моем лице, выжидающими, хищными глазами серой птицы, но любопытство берет свое: я медленно поворачиваю голову.

Я вижу черные завитушки волос над смуглой шеей, нежную мочку уха, узкий точеный подбородок и глаза, усталые, печальные глаза с большими черными зрачками, затянутыми рыжеватой поволокой.

— Милый, тебе лучше?—спрашивают эти глаза.

В них страдание сменяется надеждой, они излучают неистребимую веру в жизнь и большую любовь.

— Милая, славная...—шепчу я.

Она одной рукой гладит мою голову, а другой машет цветистым, прозрачным веером.

— Ты разбил склянку с лекарством,—тихо говорит она,—вспоминал коз — помнишь?—серую и рыжую... Ты бредил нашим детством.

В комнате пахнет розами и чем-то свежим, весенним, как-будто окна распахнуты на цветущую лесную поляну, на Шареке. Сердце сладко замирает, я жду, что вот-вот зашумит лес, закачает ветвями огромная дикая груша, а из-за орешника выскочит легкая, худая девочка в стареньком, черном платье.

Но она сидит здесь, рядом, уже большая, стройная, но попрежнему милая и нежная. В массивном гардеробе висит ее жакетка со значком „Г. Т. О.“ на левой стороне груди. Рядом с этим значком приколот другой — яркий, но скромный депутатский значок.

— Спи,—говорит она,—тебе сон помогает. Доктор так сказал.

Я пытаюсь улыбнуться и закрываю глаза. С гардины слетает горлица и садится у изголовья. Я слышу тихий шелест ее легких крыльев.

ИСМАИЛ САЛЕТ

Крымский народный кедай (певец)

РОДИНА

У нас виноградники есть и сады,
Чудесные дачи у светлой воды,
Довольство за честные наши труды,—
Как родина наша прекрасна.

Есть горы у нас и луга, и поля,
Везде плодородна родная земля,
Над нею лучистые звезды Кремля,—
Как родина наша прекрасна.

И если ты жаждешь напиться, иди
К студеной воде наших рек припади,
Почувствуешь свежесть и силу в груди,—
Как родина наша прекрасна.

Лишь только поднимется солнце с утра,
В просторные школы спешит детвора,
Любуясь детьми, старики говорят:—
Как родина наша прекрасна.

ЭЮП ДЕРМЕНДЖИ

МРАМОРНЫЕ СКЛОНЫ

Балаклава, века над вершинами гор
Ветер выл и могуч и жесток.
Стыл у ног твоих Черного моря простор,
Умывал тебя горный поток.

Тайну готы и греки твою берегли,
Говоря: „Здесь жилище богов“.
Из-за моря к тебе англичане ввели
Караваны торговых судов.

Много разных людей в те далекие дни
Побывало на склонах твоих,
Рылись в недрах твоих и бранились они,
Что сокровища скрыты от них.

Замели времена след заморских гостей,
Как тропинки дыханьем зимы.
И лежали богатства. Но нет крепостей,
Что упорством не взяли бы мы.

Мы руками науки, как тяжкую дверь,
Эту тайну открыли твою.
Крымский мрамор в стране знает каждый
теперь,

Он добыт был с природой в бою.
И молва о сокровищах песню несет
Над страной на крыльях ветров.
Этот мрамор цветной балаклавских высот
Украшает московский метро.

ЯЛТИНСКАЯ ВЕСНА

Надев седое покрывало,
Жемчужной шапкою блеснув,
Возник Ай-Петри над провалом,
Где мчится гулкий Учан-Сув.

А по ущельям волчьей стаей
Летят ветра, припав к земле,
И, словно свадьбу затевая,
Буран кружится на Яйле.

Свистят на кручах злые ветры,
Клубится снег, как сизый дым,
А у подножия Ай-Петри
Цветут весенние сады.

Там небо ласково и чисто,
Прозрачна моря глубина.
Там бьется в ялтинскую пристань
Зеленокрылая волна.

Там, в травы струями вплетаясь,
Сбегают к морю родники.
И вспыхивают у проталин
Фиалок синих огоньки.

О, Ялта, кистью невозможно
Твоей весны запечатлеть,
Она с хорошей песней схожа,
А песню можно только петь.

И я, придя на берег талый,
И вспоминая посвист вьюг,
Зову друзей из снежной дали
Сюда на лучезарный юг.

КЕРИМ ДЖАМАНАКЛЫ

КОМСОМОЛУ

История всех лет земли едва ли
Видала дни счастливее твоих.
Бывало, что и братья враждовали,—
А как теперь мне счесть твоих родных?
О детских днях рабочей молодежи
Нельзя молчать. Бывало—в те года
На камень ляжешь—и готово ложе,
Сухарь найдешь—насушенная еда.

Родные нам—по классу и по крови—
Томятся братья в клетках стран чужих,
И палачи стоят в их изголовье,
И всюду смерть подстерегает их.
Как можем мы—крестьянам и рабочим
И сыновьям рабочих не помочь?
Друзья, на помощь! Мы должны помочь им
Тьму победить: им трудно в эту ночь.

Границы укрепляйте, коммунисты!
Когда шрапнель рвала знамена вкось—
У рубежей немало крови чистой,
Горячей, комсомольской—пролилось.
Родился ты в громах боев полночных,
В борьбе ты будешь крепнуть и расти.
Сын Партии, товарищ и помощник,
Всегда идешь ты—по ее пути.

М О Р Е

Седые волосы раскинув,
Напевной силою полна,
Подобно древнему акыну,
Поет торжественно волна.
И я люблюсь, как упруго,
Вскипая пеной шумных вод,
Несутся волны друг за другом
Безостановочно вперед.
Так ясным днем и ночью мгlistой
Всегда,—с зари и до зари—
Идут шеренгами на приступ
Могучих волн богатыри.
И эта мощь воды и ветра,
Стремленье вечное вперед
Напоминают мне бессмертный
Мой героический народ.
Проходят месяцы и годы,
Но нет, не старится волна.
Лишь в час жестокой непогоды
Пробьется пены седина.
Но схлынет буря, стихнет ветер—
И вновь светла пучина вод.
Вот так же молод, так же светел
Мой нестареющий народ.

А М Е Т М Е Ф А Е В

В Е Ч Е Р

Когда подобно девушке стыдливой
Отступит солнце за отроги гор,
И тополь приумолкнет говорливый,
И потемнеет вдруг его убор...

О вечер, вечер! В этот час курганы
Усну́т в степях,—и кто-то запоет
В твоём саду над озером туманным,
И кто-то затоскует у ворот.

И может путник, сбившийся с дороги,
Присядет молча на сырой гранит,
И кто-то там, на берегу пологом
Свою любовь от многих затаит.

Одним несешь ты радость и покой;
Другим—печалью падаешь на плечи.
Кто проклинал тебя, кто славил?—
над рекой
Давай поговорим с тобою, вечер!

Скажи, под черным куполом твоим,
Кто пал с рыданием на холодный
камень?

Кто умер, кто родился вслед за ним,
Кто смех счастливый разделяет с нами?..

Но ты молчишь, незряч и безъязык.
Иль ты устал, бродя в пустом эфире?
Встает заря. В саду запел родник,
И солнце подымается над миром.

В ДАЛЕКОМ СЕЛЕНИИ

РАССКАЗ

I

Весной, когда деревья одеваются ослепительно ярким цветом и повсюду слышится сладковатый аромат, жена колхозного чобана Мемиша—Теслиме, по прозвищу „Чала“, становится все более беспокойной. До дней каникул сына осталось еще целых два месяца, а она уже ходит и приговаривает:

— Скоро приедет Билял! Если так суждено—агрономом приедет...

Колхозные женщины не удивлялись беспокойству Теслиме, зная, что Билял ее единственный сын.

Теслиме родила всего шестерых детей. Первенцом у нее был мальчик. Едва второй ребенок ее, черномазая девочка, достиг шести месяцев, как мордастый крепыш-первенец умер от скарлатины. И когда Теслиме была тяжела третьим ребенком, неожиданно умерла черномазая резвая девочка. За каких-нибудь десять лет родила Теслиме и похоронила пятерых детей.

И никто не знает, сколько плакала Теслиме, сколько горючих слез лила по ночам несчастная мать. Зато все помнят, что в двадцать восемь лет угольно-чер-

ные волосы Теслиме прошли вдруг серые, цветом похожие на свинец, нитки, прибавив бедняжке целых десять лет.

Когда умер первый ребенок, чобан Мемиш не особенно тосковал. „Судьба,—говорил он спокойно.—Ничего, Теслиме молодая, еще родит“. Но в день похорон последней девочки, которой было уже два с половиной года и она легко взбиралась на низкий сет или прыгала вдруг на обмазанный желтой глиной земляной пол, в тот день неудержимо плакал чобан. Он до того расстроился, что даже в кош не ходил несколько дней.

Наконец, уже на пороге четвертого десятка лет, родила Теслиме тощего, крохотного мальчика. Руки, ноги да и шея его были настолько тонки, что Мемиш с большой осторожностью брал его в руки и говорил с огорчением: „Не выживешь ты... Хилый очень“.

Но, к удивлению всех, хилый выжил, перерос своих ровесников и вскоре стал красивым, крепким парнем...

День каникул все приближался. Становилось теплее и теплее. И с каждым днем росло нетерпение Теслиме. Однажды она, наклонившись к мужу, украдкой шепнула ему:

— Приедет Билял—женим его. Хватит жить в городе. Четыре года уже там, пусть теперь с нами будет.

Старому чобану, который хотел бы всегда видеть сына около себя, видимо, понравилось это. Теребя кривыми пальцами коротенькую седую бородку, он одобрительно покачивал головой и улыбался.

Вечером Теслиме и Мемиш вышли на густо пови-

тое плющем крыльцо, уселись на сет и принялись выбирать Билялу невесту.

— Ну, кого ты считаешь достойной сына?—спросила Теслиме.

— Дочь Акара Арифа хороша,—подумав, ответил Мемиш.—Красивая девушка, здоровая, да и работяга большая.

— О, нет!—резко возразила Чала.—Сколько училась она? А агроному знающая жена нужна. Да, да. Дочь бригадира Мурата, по-моему, лучше: вежливая, нежная девушка, да и с образованием.

— Ну и нашла,—обиделся старый чабан.—Она же совсем мала ростом, будто ребенок. Нет, эта не пара Билялу.

Заботливые родители перебрали в этот вечер всех девушек селения. Они снова возвращались к дочерям Акар Арифа и Мурата, но невесту для Биляла, которая была бы им обоим по душе, так и не подыскали.

II

Наступили знойные июльские дни. Из городов стали возвращаться студенты. Однажды на табачной плантации увидела Теслиме стройную девушку. Приглядевшись, она узнала в ней Акиме, учившуюся в Феодосии. Еще недавно, два года тому назад, была Акиме совсем подростком. А теперь—пышные каштановые волосы, большие светлосерые глаза, крепкие загорелые руки. Совсем невеста! „Эта достойна моего Биляла. Она понравится ему“,—подумала Теслиме и мельком взглянула на других девушек, чтобы сравнить с ними Акиме. Работа у Теслиме шла вяло. Ежеминутно поглядывая на Акиме, думала она только о предстоящей свадьбе.

Домой Теслиме вернулась радостно взволнованная, всецело поглощенная мыслями об Акиме. Она по рассеянности положила в картофельный соус лишнюю ложку соли, упустила и разбила тарелку и дважды споткнулась о край подвернутого ковра.

В сумерки вернулся домой Мемиш. Сел он под высоким с жесткими листьями орехом, снял с ног растоптанные постолаы да пропыленные портянки.

Навстречу ему выбежала Теслиме.

— Эй, муж, я сегодня влюбилась! Влюбилась, понимаешь?

Старый Мемиш удивленно поднял седые брови.

— О чем ты болтаешь, в кого ты влюбилась? — почти сердито спросил он.

Теслиме присела на корточки и огляделась вокруг.

— В Акиме я влюбилась, в Акиме. Помнишь ее?

— Ах, Акиме! Дочь Джалагая Али. А как же мы не вспомнили о ней?

— Мала была. А теперь — хорошая девушка. Цветок. Высшую школу в Феодосии окончила. Сегодня газету в бригаде читала. Голос у нее соловьиный, и обо всем на свете знает она. Умная девушка.

Хоть и не принято в Отаре в летние вечера в гости ходить, но Теслиме с мужем пришла в тот вечер к Джалагаям. Семья Джалагая ужинала. За покрытым клетчатой клеенкой огромным столом сидел Джалагай Али, его жена и семеро детей. Увидев гостей, все положили ложки и встали.

Дородная Пенбе, жена Али, пригласила гостей к столу.

— С добром, должно быть, раз во время еды пришли, — сказала она.

Теслиме и Мемиш отказались от угощения и при-

сели на диван, стоявший у открытого окна. Уговоры были напрасны, и семья Джалагая снова окружила стол. Теслиме пристально смотрела на детей и втайне завидовала счастливым родителям. Ей вспомнились свои дети—полнолицый мальчик, шустрая, смуглолицая дочурка, умершие так давно. Вздохнула Теслиме, но когда взглянула на Акиме—забыла горе.

Мемишу тоже понравилась Акиме. Он взглянул на жену и лукаво подмигнул ей.

Теслиме и Мемиш не сомневались в том, что сговор состоится, но начать переговоры с Джалагаями они не решались. „Акиме девушка не простая... А вдруг обидится?“—думала Теслиме. Поговорив с Джалагаями кое-о-чем, совершенно не относящемся к делу, гости простились и ушли восвояси, утешая себя мыслью о том, что невеста для сына все же найдена.

Нельзя сказать, чтобы Джалагаи не догадались о цели прихода соседей. Готовясь ко сну, супруги долго шушукались о своих догадках. Говорили о том, как Теслиме не отрывала взгляда от их дочери и как старый чобан тоже то и дело украдкой поглядывал на Акиме и шурил узенькие глазки.

Разговор Теслиме с мужем длился еще дольше. Было уже далеко за полночь. За окнами слышался лишь мерный шелест жестких листьев ореха да однообразные голоса сверчков, напоминавшие перекличку городских сторожей.

III

В начале августа приехал в селение Билял. Утомленная ожиданием Теслиме, которой длинный летний день казался целой неделей, встретила сына посреди двора:

— Иди... иди, родной мой... иди, мой единственный. Глаза мои устали глядеть на дорогу... Почему же так долго заставляешь себя ждать?..

Она крепко обняла сына длинноватыми сухими руками и тихо заплакала от радости.

Биял нежно положил свои широкие ладони на костлявую спину матери.

— Одежда моя больно истрепалась, мать. Я ведь написал вам, вот и работал месяц в совхозе. Костюм купил и туфли. Успокойтесь, мать, не плачьте...

Теслиме одной рукой приняла у сына новый пиджак, а другой вытерла слезы.

— Хорошо... хорошо... уф, никак не удержу слез. Ну, заходи, заходи... Кто знает, как ты устал...

Биял, пригнув голову, вошел в дом и присел отдохнуть.

Теслиме села рядом. Биял за год заметно изменился: он вытянулся, стал еще выше, да и похудел. Но выглядит он хорошо: черные глаза попрежнему горят живостью, даже немного запыленные волосы, брови и ресницы несколько не потеряли жгучего блеска. Однако стал Биял еще более серьезным, молчаливым. Теслиме сейчас захотелось сказать кое-что об Акиме, похвалить ее, но она не решалась, выжидая удобного момента, и принялась готовить вкусный ужин.

Узнав о приезде сына, прибежал запыхавшийся Мемиш.

— С приездом, агроном!.. С приездом, родной! — радостно приветствовал он сына.

Биял тотчас поднялся с места и взял руку отца:

— Спасибо, спасибо, отец.

— Много заставляешь по себе тосковать, Биял!

В этот раз мы сильно соскучились по тебе. Но теперь ты никуда не уедешь, Билял. У нас ты один. Будь с нами...

— Посмотрим, отец, как придется...

— Не мое дело, как придется. Не уедешь—и все. Да,—повеселел старик,—мать для тебя нашла очень хорошую девушку: дочь Джалагая Али—Акиме. Очень красивая девушка и большая умница, сын мой.

— Мы старые стали,—вмешалась Теслиме,—обрадуй нас невестой, пока живы, сын мой...

Билял помрачнел.

— Нашли же вы, о чем говорить!—сказал он, не скрывая своего недовольства, и умолк, чтобы не обидеть родителей.

— Акиме теперь совсем не такая, какой знал ее ты,—стала уговаривать мать.—Увидишь и сам удивишься. В нашей деревне нет ей равной.

Билялу стало душно.

— Мама, давайте говорить о чем-нибудь другом. Мне ведь только двадцать первый год. Придет время—женюсь.

„Акиме кажется им крепким деревом. Привязав к ней, они хотят оставить меня в деревне“,—подумал Билял с огорчением.

Видя, что сын не расположен к подобным разговорам, Теслиме и старый Мемиш больше ничего ему о женитьбе не говорили.

Вечером, когда Билял ушел в деревню, Теслиме устало опустилась рядом с мужем и вполголоса сказала:

— Видел? Учили, учили, а теперь нас не слушается...

Старый чобан, как всегда теребя кривыми, угловатыми пальцами кудую бороду, задумчиво качнул головой.

IV

Уже три недели живет в Отаре Билял. Ходит он, держа в руках то одну, то другую книгу.

Было понятно, что жениться Билял не спешит. И не видно, чтобы он хотел оставаться в своей деревне. У Теслиме и старого чобана не было других средств, которые могли бы удержать его в Отаре. Родители горевали.

Однажды Теслиме прибежала с работы радостная, настолько радостная, что трепетало ее сердце, дрожали от волнения руки и ноги.

Встретив мужа у калитки, торчащей над низкой плетеной загородкой, она поспешно произнесла:

— Эй, муж, муж... есть новость... большая новость!.. Заходи скорей... скажу...

Старый Мемеш, ходивший целый день за колхозным стадом и изрядно утомившийся, проворно зашагал за женой. Он, не сбрасывая со спины чалмана, сел на нагретый солнцем камень.

— Знаешь что?—начала Теслиме, тревожно озираясь по сторонам, будто должна была сообщить строгую тайну.—Оказывается, Билял любит Акиме!..

— Да ну?—поднял голову Мемеш.

— Женщины говорят, что он каждый день бывает с ней вместе. И удивляются, почему об этом до сих пор не знаем мы?

— Каждый день вместе?

— Да. Вчера Фадье собственными глазами видела, как Билял шел рядом с Акиме.

— Ты подумай! Неужто дело пойдет само по себе, без хлопот, а? Я пойду посмотрю, Теслиме. Авось встречу их где-нибудь.

Старый чобан, сбросив чалман на земляной пол крыльца, пошел в деревню, радостно бормоча:

— Какое дело, а! Сам ничего не говорит. Даже имени Акиме не упоминает. Ай, какой молчаливый Билял! Какой скрытный...

Мемиш обошел деревню, был в абрикосовом саду, но, не найдя сына, направился в клуб. Было уже темно. В зале никого не было. Он, мягко ступая по ступенькам узкой лестницы, крадучись поднялся на второй этаж. В читальне был свет. Мемиш подошел к окну и, приставив обросшее волосами лицо к стеклу, увидел сидевших рядом Биляла и Акиме.

— А, нашел,—обрадовался он,—смотри ты на них, где спрятались!

Билял читал какую-то книгу. Акиме, сидя совсем близко, слушала его. Книга была на русском языке. Вдруг Билял и Акиме рассмеялись. Затем Билял снова принялся за чтение. Мемиш слушал внимательно, будто понимал русский язык, и каждый раз, когда, прерывая чтение, смеялись Билял и Акиме, он тоже радостно улыбался. Простояв в коридоре с полчаса, Мемиш, наконец, вышел из клуба и почти бегом пустился домой.

— Теслиме... Теслиме... Правду тебе сказали... чистую правду... Сам теперь видел... своими глазами,—и Мемиш подробно рассказал то, что он видел.

В этот вечер у Теслиме и Мемиша снова завязался разговор о том, как просватают они сына за Акиме и женят его. Разговор продолжался до позднего вечера. Родители настолько увлеклись им, что даже

не заметили, как притих и угас маленький самовар, кипевший с таким веселым визжанием. Спать не хотелось. Теслиме и старый Мемиш говорили о многом. Уже сейчас они решили отдать сыну и невестке светлую комнату, перенести туда гардероб, стол и новые стулья, купить ковер, занавески.

Свадьбу они думали устроить в клубе. Теслиме и Мемиш немало шушукались и о том, кто больше всего достоин приглашения на свадьбу из соседних деревень. Затем Теслиме говорила о том, что из куса синего атласа, который остался у нее в сундуке еще с молодости, она сделает одеяльце для внука, а из другого куса—маленькие подушечки...

Старому чобану, который вставал очень рано, захотелось уже спать.

— Ну, хватит, Теслиме,—сказал он, слезая с сета.— До реки еще далеко, а мы уже приготовились: посталы сняли, чулки. А ты даже сундук свой выпоразнивать начала.

Сказав это, Мемиш зашел в комнату и лег на постель.

На следующий день, вечером, когда Теслиме и Мемиш собирались пойти к Джалагаям и прямо заявить о своем намерении женить сына на Акиме, в комнату вошел Билял. В руках у него было распечатанное письмо.

— Завтра уезжаю в город, в институт!—сообщил он и положил на стол письмо.

Ошарашенные столь неожиданной вестью, Теслиме и Мемиш, мигая глазами, молча смотрели на сына. Теслиме, как бы не веря ему, взяла со стола письмо, досадливо осмотрела его, а потом упавшим голосом спросила:

— Билял, а как с Акиме?

— И она поедет, мама. Поступает в мединститут. Словом, доктором будет.

— Билял,—начал старик, чуть не плача.—Ты уже агроном. Чему еще учиться?

— Я только пол-агронома, папа. Надо стать агрономом полным.

И Билял принялся укладывать в чемодан одежду и книги.

— Опять уезжает...—печально произнесла Теслиме...—Теперь через год приедет. Жди каждый день письма и волнуйся.

Теслиме поднялась с места:

— Когда поедет Акиме, сынок? Поехали бы вместе.

— Скоро и она выедет, мама. Ждет сообщения из института. А я спешу, через несколько дней занятия начинаются.

Рано утром, распростившись с матерью и отцом, Билял отправился в дорогу. Старый Мемиш, повесив голову, а Теслиме, вытирая глаза, направились на работу.

В этот день опечаленная мать забралась в угол табачного сарая, подальше от всех, и работала молча, ни разу не вмешиваясь в разговор женщин. Девушки, видя ее печаль, не шутили с ней. Только дочь бригадира Мурата, наполнив свой передник крупными листьями табака, высыпала их перед Теслиме, желая оказать уважение загрустившей матери.

V

Долго ходила Теслиме на работу подавленная, молчаливая. Прошло несколько месяцев, и она забыла свою печаль, немного повеселела.

— Билял все учится и учится,—говорила она

теперь.—В главной школе учится. Будет самым большим агрономом...

Хоть и гордилась она будущим агрономом своим, но в душе ругала „главную школу“, которая разлучила ее с сыном.

Не знала Тесlime, что сын ее встает теперь каждое утро на рассвете и бежит на аэродром. Там прыгает он с парашютной вышки точно так, как, будучи мальчишкой, прыгал с плетня на мягкую траву. Если бы знала она, как на днях Билял прыгал с самолета с высоты в тысячу метров, как бы испугалась бедная мать. Хорошо, что Тесlime, да и остальные жители Отара об этом не знали. Об этом и Акиме в своих письмах к матери не написала. Как же писать ей, если она уже целый месяц вместе с Билялом посещает школу парашютистов и со странным чувством, чувством страха и решимости, готовится прыгать с самолета.

Узнай об этом Пенбе, мать ее, человек со спокойным и ровным характером, и та всполошилась бы. А Джалагай Али тотчас выехал бы в город уговаривать дочь, и даже поругал бы ее.

Когда Акиме училась в Феодосии, она увлекалась волейболом, баскетболом, а на парашютный спорт смотрела с каким-то содроганием, считая его опасной забавой. Но с тех пор, как подружилась она с Билялом, мнение ее о парашютном спорте изменилось. У нее теперь чем дальше, тем больше усиливалась страсть подняться высоко-высоко над землей и, летая птицей в чистом просторе, наблюдать мир.

В середине ноября в одно тихое и необычайно теплое утро на машине привезли Акиме в аэроклуб. После осмотра врачом, она снарядилась к прыжку.

Когда Акиме была в кабине самолета, прибежал взволнованный Билял.

— Хорошо, что успел... Ты уже.. готова, Акиме?— спросил Билял, часто дыша.

— Да-а,—ответила Акиме, и, желая казаться бойстрой, улыбнулась. Однако побледневшее лицо, широко раскрытые светлосерые глаза ее, говорили о том, что сердце девушки бьется тревожно.

— Не волнуйся, Акиме!... Ничего с тобой не будет,—начал успокаивать Билял, но шум мотора прервал его слова.

Огромная стальная птица с двойными крыльями, подняв своим пропеллером целый буран, помчалась вперед и взмыла вверх.

Теперь весь город, заводы с высокими трубами, железная дорога и река, все это лежало внизу на тусклом осеннем поле, как грандиозная картина, написанная огромной кистью. Но сейчас Акиме не до этих предестей. Ее мысль занята прыжком, и она не в состоянии любоваться открывшейся панорамой.

В этот напряженный момент инструктор подал команду „приготовиться“. Акиме, цепко держась за борт самолета, неспеша вышла на плоскость крыла.

Выждав момент, она прыгнула. Чуть заметный, тихий утренний ветерок отнес ее в сторону, к вспаханному полю. Она только теперь окинула взглядом окрестность. Ей сразу стало легко и весело. Захотелось петь, позвать Биляла. Но, чувствуя, что она все быстрее и быстрее опускается вниз, Акиме свела согнутые в коленях ноги... „Земля уже совсем близко... земля, которая кормит всех людей, животных и насекомых! Ах, с какой силой она тянет к себе человека!“ —подумалось ей.

Акиме коснулась ногами земли. Тем временем примчался Билял.

Совсем иными глазами посмотрела Акиме на своего земляка, несколько раз глубоко вздохнула, улыбнулась, но почему-то ничего не сказала.

Билялу захотелось обнять ее и, неся на руках, представить начальнику клуба. Но другие парашютисты, подоспевшие в этот момент, прервали его сладкую мечту.

Так два студента из далекого селения Отар стали парашютистами.

Наступило жаркое лето. Теслиме давно уже ходила и приговаривала:

— Скоро приедет Билял. Приедет из главной школы.

Наконец, настал и долгожданный июль. Билял и Акиме зашли в кабинет начальника аэроклуба.

— Товарищ начальник. Мы, значит, Акиме и я поженились,—сказал Билял и нерешительно подошел к столу.

— Хорошо, очень хорошо,—поднялся начальник.— Стало быть будете работать вместе дружной семьей, не так ли? Поздравляю, поздравляю вас!

Акиме все еще стояла возле дверей. Начальник, подойдя к ней, сперва поздравил ее, затем Биляла. Акиме покраснела.

— Товарищ начальник,—снова заговорил Билял.— Во время каникул мы хотели побывать в своей деревне.

— Я не против. Поезжайте...

— Это хорошо, товарищ начальник, но... мы не хотим ехать туда на подводе...

— Туда, кажется, нет железной дороги?

— Да, село наше далеко от железной дороги, товарищ начальник. Поэтому мы хотели туда полететь...

— Полететь?!—удивился начальник.

— Да, мы хотим показать односельчанам, как прыгают с парашютом.

— Хорошо,—согласился начальник после некоторого раздумья.

VI

Горбатый почтальон, напоминающий на велосипеде большого паука, кричал еще издали:

— Тетя Теслиме! Вам телеграмма, телеграмма!

— Мне телеграмма?.. Неужто несчастье с сыном случилось?!..

Женщины с любопытством и тревогой окружили Теслиме. Дочь бригадира Мурата, прочитав телеграмму, объяснила:

— Сын ваш женился на Акиме, завтра вечером в Отар приедут...

Теслиме побледнела, слезы радости сразу показались на ее глазах. Она взяла телеграмму обеими руками и держала ее перед собой. Затуманенные слезами глаза ее ничего не видели.

— Ах, ты мой родной, послушался все-таки меня, нашел Акиме...—шептала она в забытьи.

Весть, которую принесла телеграмма, распространилась так быстро, словно ее разнес ветер. Сегодня и старый чобан вернулся с пастбища рано. Он, не знавший песен и не умевший петь, сегодня все время ходил и бурчал какую-то мелодию.

А Теслиме готовилась. Она вымыла все окна, вычистила медную посуду, сперва золой, а затем кис-

лым катыком, а фарфоровую посуду начисто вытерла самотканым мягким полотенцем, после чего расставила все это рядами на полки, так что каждый саан, кастрюля, тарелка, чашка и блюдо были на виду, словно на выставке.

Правление колхоза, узнав о женитьбе студентов-отарчан, решило устроить красную свадьбу.

Утром молодежь вынесла из клуба все столы и стулья и расставила их под широким навесом, покрытым листьями винограда. Двое пожилых женщин и несколько девушек принялись готовить угощения. Пришли Теслиме и Пенбе, одетые в клетчатые летние платья.

К вечеру, когда солнце опустилось совсем близко к горам, отарчане стали собираться под прохладным навесом.

Стол, застеленный белыми скатертями, были уставлены разной снедью. От черных чугунных котлов, поставленных на огонь на железных треножках, несло жирным запахом рисового пилана; поодаль стоял, точно разодетый царский генерал, громадный самовар.

Теперь все готово. Но студентов все еще нет. Теслиме и Пенбе стали беспокоиться, а вдруг не приедут?

Они вышли на улицу и нетерпеливо поглядывали на проселочную дорогу, которая видна была далеко-далеко меж хлебных полей. Они думали, что Билян и Акиме непременно приедут этой дорогой. И вдруг над деревней появились два самолета. Все отарчане высыпали из-под навеса. Кто-то с самолета помахал рукой.

Сделав над деревней два круга, самолеты устреми-

лись ввысь. Когда они были уже довольно высоко, от них оторвалось одно за другим нечто черное... Точки эти повисли на белых зонтиках.

— Парашютисты!—выкрикнул кто-то.

Все побежали в степь. В этой суматохе Теслиме не заметила, как старый Мемиш скрылся в толпе колхозников.

— Откуда же взялись эти аэропланы, будь они не-ладны,—огорченно посмотрела Теслиме на Пенбе и они снова повернулись к дороге:

— Не видно. Хотя бы доехали благополучно...

Когда матери с таким беспокойством ждали своих детей, к ним прибежал мальчик.

— Тетя Теслиме... Тетя Пенбе... Это наши прилетели: Билял ага и Акиме апте... Вот они идут сюда,—и мальчик снова побежал к толпе.

Теслиме вздрогнула, точно на нее вылили целое ведро холодной воды. Ошеломленная, она сделала несколько неловких шагов, с тревогой глядя на Пенбе.

— Да не пугайтесь же, бедная!—сказала Пенбе дрожащим голосом.—Значит, на самолете прилетели. Вот, черти, ой какие шалуны они!—и потянула Теслиме к колхозникам.

Пока они обошли школьный двор, толпа была уже на улице. Билял и Акиме, выйдя из гущи колхозников, бросились к своим матерям. Теслиме снова заплакала:

— Зачем ты, дитя мое, делаешь это? Ты, видно, хочешь остановить слабое мое сердце...—Она поделовала сына и удивленно посмотрела на синий комбинезон, на ушастый кожаный шлем.

— А где Акиме? Иди, моя дочка, взгляну на тебя. Ах ты,

сероглазый мотылек,—Теслиме обняла невестку:—как же ты не боишься прыгать с такой высоты?

Под звуки авиационного марша, который исполняли двое колхозных скрипачей и бубнист, все заняли свои места под навесом. Бригадир Мурат усадил Биляла и Акиме за первый стол. Теслиме и старый Мемиш сели рядом с сыном, а Джалагаи—рядом с дочерью. Несколько маленьких Джалагаев тотчас пристроились между ними.

Председатель сельсовета, пожилая женщина, подняла руку. Это означало: „успокойтесь, начинаем!“ Она произнесла довольно длинную речь, какую она произносила каждый раз, открывая красные свадьбы осенью. Но в этот раз, она кончила свою речь совершенно иначе:

— Товарищи,—сказала она,—с тех пор, как наш Отар зовут Отаром, здесь было очень много свадеб. Мы видели свадьбы девушек-сирот, которые шли к жениху пешком, видели свадьбы девушек бедных, отправляющихся к жениху в безрессорном дилижансе с колокольчиками, видели свадьбы кулацких дочерей, отправлявшихся на фэтонах с бархатной обшивкой. Наконец, каждую осень видим красные свадьбы колхозных девушек, приезжающих на автомашинах. Но нам сегодня довелось видеть свадьбу, на которую жених и невеста прилетели точно так, как прилетают весною журавли.

Один за другим выступили представители всех четырех бригад колхоза. Они поздравляли новобрачных и пожелали им счастливой жизни. Так каждый раз кончалась торжественная часть красной свадьбы в Отаре. Сейчас, взяв в руки бокал, еще раз поднимется пред-

седатель сельсовета, и тогда все, опустошив свои рюмки, станут закусывать и веселиться.

Но неожиданно поднялась молодая женщина из табачной бригады с ребенком на руках.

— Джемаат!¹—крикнула она, улыбаясь. — Пусть теперь тетушка Теслиме скажет что-нибудь!

— Пусть, пусть скажет!—загудели все.

Не только перед всем обществом Отара, но даже перед своей бригадой стеснялась выступать Теслиме Чала. Сейчас же она, растерянно пожав плечами, посмотрела на своих односельчан, будто спрашивала: „что же я смогу вам сказать?“

Председатель опять подняла руку. Все притихли.

Теслиме медленно встала, поправила свой широкий платок, морщинистое худое лицо ее стало розовым, на лбу выступил пот. Она чувствовала, что дрожат ее руки и подкашиваются ноги.

Пересилив волнение и делая после каждого слова паузу, Теслиме прерывающимся голосом начала:

— Я не знаю... что вам сказать... уважаемый джемаат... Сегодня я очень обрадована... Если бы можно было... я вынула бы свое сердце и положила его на чистую тарелку... Тогда все увидели бы, как велика моя радость... Словами я передать вам ее не могу... Только те матери, у которых есть лишь одно дитя... только они, они могут понять, что я сейчас переживаю. У меня есть один сын, вот он,—указала Теслиме дрожащей рукой,—один единственный сын, которого час назад к нам принесли небеса.

Все отарчане, растроганные, затаив дыхание, смотрели на Теслиме. Бедная мать, не найдя слов, сделала

¹ Джемаат—общество.

слишком большую паузу, вынула из широкого кармана вышитый платок и вытерла глаза.

— Джемаат...— снова заговорила она, — теперь у меня есть и дочь... И она, прилетев, как весенняя ласточка, прибавила моей радости еще большую радость... Что еще сказать, джемаат? И сын и невестка—оба учатся... Сын мой будет самым большим агрономом... Невестка будет — доктором... Их учит советская власть... Советская власть воспитывает их такими умными и смелыми...

Теслиме, кажется, сказала все, что знала. Но джемаат ждал. Ни звука, ни вздоха не было слышно. Теслиме снова вытерла глаза и лоб. Надо было еще что-то сказать...

— Мне уже пятьдесят лет, джемаат,—как-то громче и смелее сказала она и взяла граненую рюмку, стоявшую перед ней.—Я в первый раз в жизни беру в руки рюмку с вином и эту первую рюмку поднимаю в честь советской власти, которая учит моего единственного сына, мою любимую невестку, в честь власти, которая обрадовала меня сегодня до слез.

Сразу вспыхнула буря рукоплесканий. Теслиме растерянно смотрела на своих односельчан: ведь ничего особенного она не сказала... А они хлопали и кричали ей. Она опустилась на стул, охаянная радостью, улыбнулась и эта улыбка говорила: „Я сегодня счастливее всех“.

СОДЕРЖАНИЕ

	<i>Стр.</i>
От издательства	3
Слава (народная песня)	5
Ю. Болат.	
Копюрли-кой. Отрывки из первой части романа „Алим“. Перевод <i>Р. Вуля</i>	7
Ш. Алядин.	
Перекоп. Стихи. Перевод <i>В. Петровского</i> . .	40
Я в армию иду. Стихи. Перевод <i>Б. Брика</i> .	41
Эльпиде. Стихи. Перевод <i>Б. Брика</i>	42
Жизнь. Стихи. Перевод <i>С. Мандельштама</i> .	43
О. Амит.	
Отчизна. Стихи. Перевод <i>М. Грунина</i> . . .	45
Беглец с Карпат. Стихи. Перевод <i>Б. Брика</i> . .	46
Новый год. Стихи. Перевод <i>А. Тарковского</i> .	49
У Хасана. Стихи. Перевод <i>М. Грунина</i> . .	51
М. Сулейман.	
В ту ночь... Стихи. Перевод <i>М. Грунина</i> . .	53
Сиваш. Стихи. Перевод <i>А. Тарковского</i> . .	54
Хайтарма. Стихи. Перевод <i>Н. Тарасенко</i> . .	56
Д. Шерфедин.	
Восемнадцатый съезд. Стихи. Перевод <i>М. Гру-</i> <i>нина</i>	58
Пионеры. Стихи. Перевод <i>В. Петровского</i> .	58
Весна. Стихи. Перевод <i>Е. Кузнецова</i> . . .	59
М. Дибак.	
Таш-дуду. Рассказ. Перевод <i>Э. Алимова</i> .	60
А. Алтанлы.	
Скада Кокташ. Стихи. Перевод <i>С. Мандель-</i> <i>штама</i>	73
Ненависть. Стихи. Перевод <i>А. Булдеева</i> .	74
Дом. Стихи. Перевод <i>М. Грунина</i>	76

Р. Мурат.

Пой, товарищ! Стихи. Перевод <i>Я. Чапичева</i>	78
Клянусь! Стихи. Перевод <i>В. Петровского</i>	79
Виноград. Стихи. Перевод <i>А. Быняева и М. Грунина</i>	79

А. Алим.

Письмо. Стихи. Перевод <i>Б. Макарова</i>	81
У мавзолея. Стихи. Перевод <i>Б. Макарова</i>	82

И. Бахшиш.

Алупка. Стихи. Перевод <i>А. Тарковского</i>	83
Айше. Стихи. Перевод <i>М. Грунина</i>	86

Э. Алимов.

Горлица машет крылом. Рассказ	87
-------------------------------	----

И. Салет.

Родина. Стихи. Перевод <i>М. Грунина</i>	98
--	----

Э. Дерменджи.

Мраморные склоны. Стихи. Перевод <i>Б. Макарова</i>	99
Ялтинская весна. Стихи. Перевод <i>А. Быняева</i>	100

К. Джаманаклы.

Комсомолу. Стихи. Перевод <i>А. Тарковского</i>	101
Море. Стихи. Перевод <i>М. Грунина</i>	102

А. Мефаев.

Вечер. Стихи. Перевод <i>А. Быняева</i>	103
---	-----

М. Дибег.

В далеком селении. Рассказ. Перевод <i>И. Горелова</i>	105
--	-----

ТАТАРСКИЕ ПИСАТЕЛИ КРЫМА
Сборник художественных произведений
Госиздат Крымской АССР
1940 г.

*

Составители-редакторы:

Р. Вуль, М. Грунин, М. Дибаз.

Тех. редактор *А. Бондаренко.*

Корректор *В. Терабилло.*

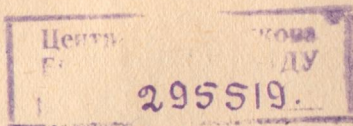
Обложка художн. *А. Варфоломеева.*

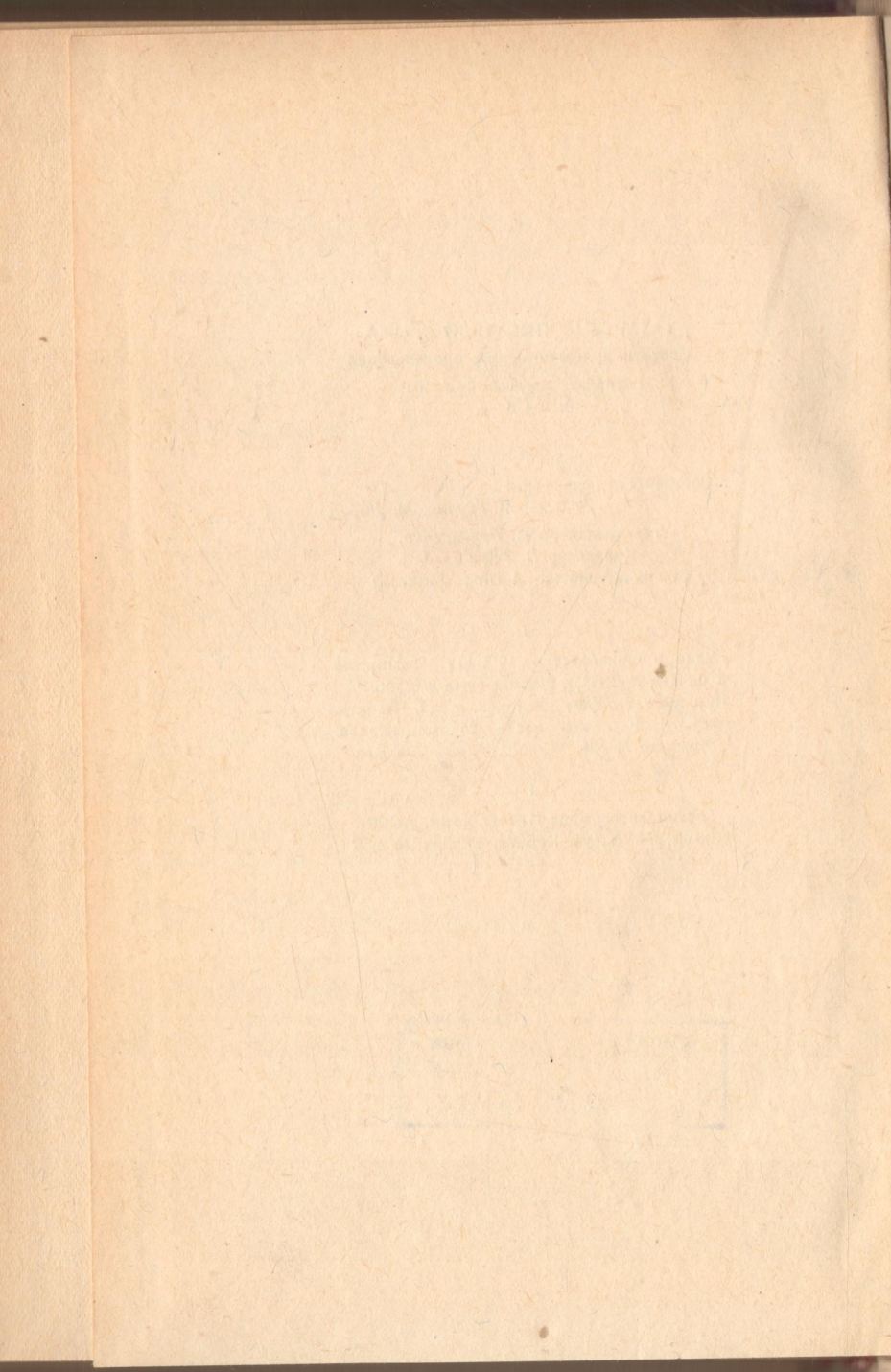
*

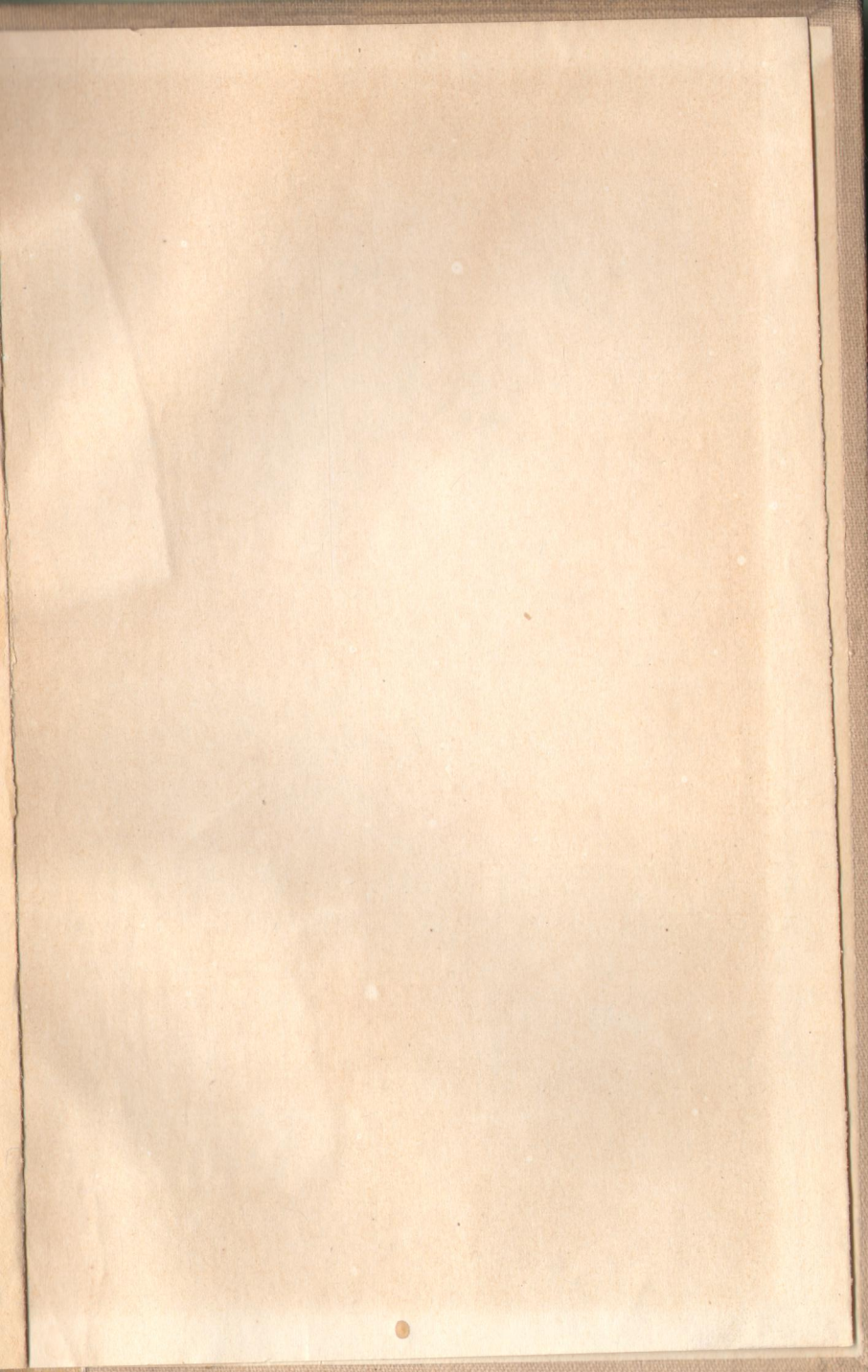
Сдано в производство 16/X-40 г. Подписано
к печати 10/X-40 г. Формат бумаги $82 \times 108 \frac{1}{32}$.
Бум. лист. 2. Учет. авторск. л. 4,2. Печатн.
лист. 8. В печат. листе 25 тыс. знаков.
Крымгиз № 596. Ф. 3672. Тираж 7000 экз.

*

Гостиполитография НКМП Крым. АССР.
Симферополь, ул. Кирова, 23. Зак № 4097

ОБЪЕДИНЕННЫЙ ЗАКАЗ
№ 20 3 кв. 6355-
1/11 45

МБ

Контроль № 2

W

x